

ткани установил возраст картины — около ста тридцати лет. Я вышел на ровную дорогу. Простая арифметика: от даты сегодняшней отнять возраст картины. В 2005 году получилось так: $2005 - 130 = 1875$. Значит, портрет написан приблизительно (с допусками) в 70-е годы девятнадцатого века. На портрете мужчине лет 35 — 40. Приблизительно, так как наши предки выглядели старше своих лет. Мусоргский родился в 1839 году. Попробуем с первой цифры возраста — 35 лет. Складываем 35 и дату рождения 1839 — получаем 1874 год. Значит, портрет мог быть написан в середине 70-х годов. Беру для подстраховки годы 1873 — 1875. Открываю книгу с личной перепиской за 1873 год, быстро просматриваю, иду дальше. Почти сразу нахожу письмо В. П. Гаевского за 1874 год, где в конце письма Мусоргскому он пишет: «Дамы художницы Вас ждут». Вот оно — подтверждение моему «дамское рукоделие»!

А теперь посмотрим, каким был названный год для композитора, почему портрет появился именно в это время и почему он такой наивно-навязчиво парадный. Все что нужно и не нужно втиснули «дамы-художницы» в небольшой холст. Им не хватило профессионализма, хотя есть возможность предположить по технике исполнения, что они посещали вольные курсы Академии художеств. Но главное, что видишь в портрете, — это обожание и восторг, которые переживал Петербург, потрясенный триумфальным показом оперы «Борис Годунов». Фойе театра было буквально завалено цветами, несмотря на январь. И мало кто заметил в этом море два роскошных венка, по-настоящему красивых и дорогих. Тем более что их доставили с опозданием, когда уже не было для них места. Но увидевшие их были в восторге. К сожалению, виновник торжества этих венков не увидел. Поэтому дарительницы на следующий день перевезли их на квартиру композитора. Судя по венкам заказчицы обладали художественным вкусом и, безусловно, были знакомы с Мусоргским, коль решили на перевозку к нему домой «вчерашних» венков. Конечно же, они были влюблены в своего кумира, как большинство женщин,

знавших его. Как мне удалось определить, этими поклонницами были сестры Полоти. Они же, скорее всего, и «дамы-художницы».

Накануне упомянутой премьеры, девятого января, после пробного показа отдельных частей оперы «Борис Годунов» Мусоргский сфотографировался в ателье француза Альфреда Лоренца, работавшего в Петербурге. Заказал несколько экземпляров фотографии, первый из них подарил критику Стасову. Такая фотография могла бы помочь в определении нашего портрета, но найти ее в Москве мне не удалось.

Мы часто говорим о большом сходстве, глядя на карикатуру или шарж. Но ведь с реальным лицом это никак не сопоставимо. Даже бесстрастный объектив фотоаппарата иногда выдает неузнаваемые портреты, а нарисованный портрет чаще всего не похож потому, что отдельные части лица, даже будучи правильно нарисованными, находятся в неверном соотноении друг с другом. В таком случае лучший определитель это иконографическая экспертиза, умеющая находить сходство там, где человеческий глаз сомневается или отрицает.

Лучшим художественным изображением Мусоргского считается портрет работы И. Е. Репина. Это, безусловно, гениальное произведение искусства, если учесть, что реальная жизненная ситуация оказалась для художника практически неразрешимой. Репин, будучи другом композитора, зная его на протяжении многих лет и искренне любя его, написал не то, что видел, а то, что знал. Неслучайно он дважды уходил из больницы, где лечился Мусоргский, понимая, что рисовать нечего. Позже, в воспоминаниях, он скажет: «...Этот детски веселый бутуз с красным носиком картошкой был уже неузнаваем. Неужели это он? Одетый, бывало, с иголочки, шаркун, безукоризненный человек общества, раздушенный, изысканный, брезгливый...».

Наконец на третий раз великолепный портрет был написан. Хочется отметить остроумность решения двух деталей. Это «носик картошкой» и вышивка на больничной застиран-